

Владислав Юрьевич Дорофеев

Вещи

Владислав Дорофеев

Вещи

«Автор»

Дорофеев В. Ю.

Вещи / В. Ю. Дорофеев — «Автор»,

ISBN 978-5-457-29165-2

В рассказе «Вещи» повествуется про то, как в начале декабря на восточном побережье России забивают оленей. Горло режут острым большим ножом, отчего олень умирает сразу и навсегда, оставляя свое тело на морозном снегу, под красным северным солнцем, а в моментально замерзшей крови на снегу остается кровавый ледяной след мужика с ножом, наступившего в красную лужу.

ISBN 978-5-457-29165-2

© Дорофеев В. Ю.
© Автор

Владислав Дорофеев

Вещи

«...Орла нынче затаскали, на всякое говно ставят.»
(*Великий князь Василий Александрович Романов*)

<...>Вещи приобрели странный вид и ошупь. Странное появилось ощущение, я нажимаю пальцем на вещь, а она прожимается, точнее, в пальце, причем в любом, появляется ощущение, что вещь, причем любая, стала податливой. Я нажимал на вещественные предметы под землей в метро, на кухне дома, в публичных зданиях, всюду, и все безрезультатно – результат один. Как же так получилось, что я стал проникать в суть вещей, в их материальную суть, каким образом пальцы сподобились раздвигать материальную сущность недвижимой материи.

<...>Сегодня последний день перед Пасхой, религиозный или духовный праздник настанет ночью с субботы на воскресенье. И хочу утром выйти из дома пораньше в эту теплую глубину города, который называется Москва, которая также косноязычна, глупа и провинциальна, как и все остальное, что я видел, впрочем нет, мир весь таков. Но некоторое зримое удовольствие мне доставляют некоторые детали этого мира, например, магазин, в котором продается церковная утварь, например, головной убор, который напяливают на себя священники, ничего смешнее я не видывал, хотя, яйца все же любопытны, а, что, ведь тоже вещь. Магазин на улице, которая называется Арбат и, которая выложена плиткой, наподобие брусчатки. Тоже хорошая вещь. Кажется, я взялся писать про вещи, причем, любые. А пока собираюсь пойти на темную и ночную улицу, пройтись по проулкам и войти в церковные дворы города этого, в котором люди готовятся войти в себя, тех, которые, как они верят, еще существуют, еще не умерли окончательно, а иначе зачем было бы изменять себе, если бы не надежда все изменить. И странен этот мой приятель, который был неудавшимся театральным режиссером, неудавшимся поэтом, неудавшимся коммерсантом, неудавшимся любовником, таким же, видимо, и священником получился. Ловко подлец устроился: во время исповеди посоветовал мне смириться с моим поражением, не дав мне никакой надежды, никакой силы не влив в меня – слабак несчастный, или счастливый слабак, собственно, это ничего не меняет. Очевидно мне, что он не верит в Бога. Члены паствы превращенные в вещи. Чтобы понять человека, исповедуйся ему, превратит он тебя в вещь, которая имеет надежду только на надежду, которую ему могут даровать, а могут не даровать свыше или в человека, который может приобрести новые силы только из веры в себя. А еще там была дорога, было мое раздражение, автобусы, дом грязный и противный, баранина, которой было много и, она была жирная, ее жрали и жрали после поста, во время которого не жрали, а ждали, чтобы пожрать. Допустим, не было во дворе качелей, но то, что я себя там смешно и глупо чувствовал, это наверное, я к этому дню сделал и приобрел, и потерял столько, что я уже не мог быть в таком подчиненно-подобострастно-добродушном состоянии, в котором должны были быть все, кто туда приезжал или приходил; а сам предмет поклонения-подобострастия, разумеется, любовался плотью этой милой дамы, и совсем это не плохо. Я только хочу, чтобы было то, что есть, а не то, чего хочется скрыть. Хотя я часто занимаюсь скрытностью, например, я часто вру, когда меня вынуждают признаваться в содеянном, но я этого не хочу, ибо всего, и в подробностях объяснить невозможно, порой нельзя, ведь не сру же я на людях, так и некоторые дела и мысли, которые помогают гигиенизировать жизнь, нуждаются в закрытии от всех глаз, иногда и своих даже. Я скрываюсь от людей, когда я превращаюсь в вещь. Самую настоящую вещественную вещь, немного нелепую в своей одиозной несчастности и нелепой одиозности, требующей внимания, чтобы переместить вещь из будущего в прошлое, что так легко делает человек, но не может совершать вещь. Я люблю вещь, но

люди не понимают меня, поэтому, конечно, осудят меня за мое стремление стать вещью не в себе. Я пытаюсь запомнить все свои минуты и все время воплотить в памяти, когда я был вещью настоящей, а не двурушнической. Как это странно, когда из состояния сна переходишь в состояние сновидений, когда из состояния вещи переходишь в состояние человека, такого беспокойного и такого немого и такого пронзительного и такого нелепо каверзного, что уже нет больше моих сил, я хочу забыть эту солнечную Александрию, и девушку молчаливую, вышедшую из машины, которую она поставила к обочине, чтобы зайдя в магазин и выйдя оттуда, вновь войти в машину у обочины. Я же стоял и видел, но я не существовал для этой девушки которая вышла из машины чтобы вернуться в нее через несколько минут которые она потратила чтобы купить в магазине подгузники для своей люльки и тетик которая в палатке счастливо ела так она раздражающе близки детство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.